

— Нет... уйди... — голос изнутри внезапно стал громче, хриплым и полным отчаяния.

Тун Сюй вздрогнул. Неужели там кто-то есть? Он рванул дверь, которая не была заперта, и в панике оглядел комнату.

Никого.

Кроме дрожащей худой фигуры на кровати, там не было никого, кто мог бы обижать Ци Цунсюэ.

Без преграды в виде двери стоны Ци Цунсюэ стали еще слышнее. Он дрожал всем телом, свернувшись в маленький комочек, спиной к двери, и, обхватив голову руками, временами всхлипывал — это были настоящие слезы!

Все фантазии Тун Сюя в этот момент мгновенно рассеялись. Не думая ни о чем другом, он бросился вперед и, подойдя ближе, увидел, что у Ци Цунсюэ крепко сдвинуты брови, пальцы побелели от напряжения, тело содрогается в спазмах. Слезы текли по лицу, зрачки расширились и потеряли фокус, а изо рта вырывались бессвязные слова.

— Цунсюэ! Цунсюэ! Что с тобой?

Тун Сюй был в панике. Он обнял худые плечи Ци Цунсюэ, и тот, почувствовав прикосновение, инстинктивно ухватился за него, свернувшись в его объятиях. Тело дрожало, слезы текли ручьем, а руки крепко сжимали грудь Тун Сюя.

— А... Сюй... — словно через долгое время, в полубессознательном состоянии, Ци Цунсюэ наконец смог распознать человека перед собой.

— Это я, что с тобой? — Тун Сюй, сдерживая тревогу, мягко спросил.

— Мм... опиум... ломка... хочу... бросить... не говори... третьему господину...

Из обрывистых объяснений Ци Цунсюэ Тун Сюй быстро понял шокирующую правду: Ци Цунсюэ был зависим от опиума и пытался бросить, и сейчас у него началась абстиненция.

В этот момент Тун Сюй не успел удивиться тому, что его кумир, его «белая луна», оказался наркоманом. Единственное, что он почувствовал, — это жалость и боль за его тяжелую борьбу. Молча, он крепче обнял невесомого юношу, наблюдая, как тот, с закрытыми глазами и нахмуренными бровями, мучается, но упрямо отказывается просить опиум. Он бдительно следил за ним, боясь, как бы тот не навредил себе, и даже позволил ему впиться ногтями и зубами в свою плоть.

Он знал, насколько вреден опиум, и понимал, как тяжело Ци Цунсюэ бороться с зависимостью лишь силой воли.

Кроме того, на лице Тун Сюя отразилась холодная злость. Тот факт, что Ци Цунсюэ тайно, но с такой решимостью бросает, заставил его задуматься о кое-чем другом: если он решил бросить, то как вообще подсел на иглу? Третий господин, казалось, был с ним близок, но теперь, когда Тун Сюй лучше узнал Ци Цунсюэ, он чувствовал холодность с его стороны. Бросить опиум — это благое дело, но он не хочет говорить об этом третьему господину... Хм, похоже, этот так называемый третий господин замешан в грязных делишках!

Тун Сюй сдержанно охнул: на его плече уже выступила кровь. Очевидно, Ци Цунсюэ, находясь

в бессознательном состоянии, не собирался щадить своего друга.

Однако он не рассердился, а, напротив, поднял руку и успокаивающе погладил его по спине, чувствуя под тонкой кожей проступающие ребра. С болью в сердце он думал о том, почему этот великолепный мужчина так слаб физически.

Ци Цунсюэ, полностью истощенный, наконец пережил приступ и крепко уснул. Это был первый раз, когда Тун Сюй видел его спящим. Даже во сне его брови были нахмурены, словно сны не приносили покоя. Краска, появившаяся во время приступа, уже ушла, и теперь его лицо было лишено живости, болезненно бледным.

Его пальцы нежно коснулись губ с пятнами крови.

На них была его кровь, но также и раны, оставленные самим Ци Цунсюэ, когда он кусал губы до его прихода. Даже сейчас цвет губ оставался нездорово бледным. Значит, раньше, когда он видел Ци Цунсюэ, тот всегда использовал грим, чтобы скрыть свою болезненность?

Во сне Ци Цунсюэ простонал, и его тело содрогнулось. Тун Сюй тут же накрыл его ладонь своей большой теплой рукой, успокаивая.

— Не бойся, я с тобой... Ты обязательно справишься.

Когда Хань Сю проснулся, солнце уже стояло в зените. Тело чувствовалось свежим, словно его уже аккуратно привели в порядок. Он хотел приподняться, но почувствовал, как крепкая рука обхватила его за талию и помогла сесть, а знакомый низкий голос прозвучал у самого уха:

— Ты проснулся.

Глаза Хань Сю еще были полны сонной дымки, и, случайно взглянув на рубашку Тун Сюя, он увидел, что на белом шелке на плече проступила кровь. Его глаза широко раскрылись, и он мгновенно пришел в себя:

— Твое плечо!

Тун Сюй замер, затем попытался отвести плечо, скрыть его от взгляда, и равнодушно произнес:

— Пустяки, ничего страшного.

Но Хань Сю не так-то легко было обмануть. Взгляд упал на помятую рубашку Тун Сюя, и он сразу понял, что это его рук дело. Лоб наморщился:

— Это я сделал.

В голосе не было ни тени сомнения или вопроса — лишь констатация факта.

Утром он собирался, как обычно, встретиться с Тун Сюем, но, только начав двигаться, интеллектуальный мозг напомнил, что вечером должен начаться приступ абстиненции. Взвесив всё, он решил, что хочет сблизиться с Тун Сюем еще больше, и поэтому спровоцировал приступ утром.

Хотя у Хань Сю не было физической зависимости, и благодаря тренировкам его духовная сила намного превышала средний уровень, что давало ему больше шансов на успех, он все же находился в теле Ци Цунсюэ. Когда это мучительное чувство охватило конечности и тело, даже

Хань Сю пришлось приложить все силы, чтобы сопротивляться, и он не мог контролировать себя, случайно ранив Тун Сюя.

Его мучило чувство вины.

У него были тысячи способов сблизиться с Тун Сюем, но из-за жадности и удачи он выбрал именно этот.

Тун Сюй, видя, что скрывать бесполезно, смутился:

— Цунсюэ... я просто... очень волновался за тебя, поэтому ворвался сюда... ты... не сердись... если ты на меня сердишься, я приму это...

Его слова затихли под ясным взглядом Хань Сю. Он растерянно посмотрел вниз: эмм... вроде бы ничего не так? Но почему Цунсюэ так смотрит?

Хань Сю отвернулся, взгляд ушел в пустоту, голос стал немного сухим:

— Как я могу на тебя сердиться... Ты ведь видел, Ци Цунсюэ — всего лишь жалкий наркоман, который во время приступа становится похож на безумца и не может себя контролировать. Ци Цунсюэ не только опустился до уровня актера, но и сам погряз в пороке... Мы с тобой... слишком разные...

— Нет! Я не позволю!

— Но это факт мм...

Тун Сюй тут же прикрыл рот Хань Сю ладонью.

В этот момент он не думал о том, насколько дерзок этот жест. Единственное желание — остановить эти слова, полные самобичевания и попыток жестко оттолкнуть его. Но сделав это, он вдруг осознал, что творит. Ладонь почувствовала мягкость и влажность губ, он даже мог ощутить их форму, которая казалась созданной для улыбки. Прилив тепла пробежал от ладони к сердцу, и всё тело пронзило электричеством.

Кхм...

Короче говоря, голос Тун Сюя вызвал у Хань Сю, любителя голосов, мозговой оргазм √ [Тигр совсем не грязный, правда?].

Вот несколько рекомендаций для этого мира:

1. Господин Тун Сюй — прямолинейный «аскетичный» офицер, просто с очень богатым воображением.
2. Глупый автор снова наступил на те же грабли: сначала придумал персонажей, а потом уже сюжет. QAQ Как же трудно придумывать эту историю.

Глупый тигр сейчас учится у мастера Паопао из группы, как контролировать ритм повествования. Ну, когда я освоюсь... Эм... кажется, я всё равно не смогу на вас жениться...